ПОѢЗДКА ВЪ ЦАРСКОЕ СЕЛО.

(Письмо къ Е. П. П.)

Что скажутъ поздные потомки, естьли я не оправдаю Ломоносова, который названіе сего прелестнаго мѣста производилъ отъ протекающей не въ далекѣ рѣчки Сарры. Въ его время можетъ статься — и было такъ, а нынче ежели бы я зналъ по Гречески, то корень названія сего села я искалъ бы въ словѣ — *Олимпъ*, но за незнаніемъ Афинскаго языка называю и называть буду, *Царское Село*: пускай мнѣ скажутъ, что я не доѣхавъ туда, воспламененный великимъ предшественникомъ, начинаю эпопею ...... подождите ......

Лишь солнце озарило
Широкой булеваръ,
И десять лишь часовъ пробило
И начинался жаръ....

Я у заставы, въ коляскѣ на четверкѣ ухорскихъ коней, готовился увидѣть ......

Минервы Росской тронъ,
Я взялъ не множество конфектовъ,
Живой съ собою лексиконъ —
Афинскихъ Римскихъ діалектовъ.

О чемъ же мы проговорили 22 версты? Не о пашнѣ, не о лугахъ, не о Пулковскихъ водометахъ, и не о Кузьминѣ, мы толковали:

Какъ долгъ за откупъ отдавать,
Деревни продавать —
И домъ Московскій выкупать.

Ясно кажется, что мы двое, то есть: N. и я пріѣхали въ Царское

Село, и были ласковою и почтенною хозяйкою приняты съ распростертыми руками. Вы знаете мою заботливость и *примѣрное хозяйство*: я побѣжалъ самъ отыскивать магазины, гдѣ бы можно было успокоить Буцефалова. Притомъ:

Вамъ исповѣдаю мой грѣхъ;
По увлеченью страсти
Зашелъ туда, гдѣ для утѣхъ —
За деньги продаютъ — мороженыя сласти...

Потомъ...

Какъ скоро гордое свѣтило
На вышшу степень восшело,
И пламенны лучи спустило —
На милое Царей село,

Пыль, клубящаяся черными облаками возвѣстила мнѣ о пріѣздѣ племянницы героя Алпійскаго, и всего

общества; сіе свиданіе доставило мнѣ неописанное удовольствіе.

Мечталъ, что я вступалъ въ Темпейскія долины,
Гдѣ всѣ художества и Музы рождены —
Изъ Норда пресселенъ въ щастливыя страны
Я вижу предъ собой цвѣтущія Аонны,
Отраднымъ воздухомъ, какъ въ Греціи дышу;
Я сталъ Анакреонъ, и нѣжности пишу.

Восторгъ мой не долго продолжался; шоколадъ, которымъ подчивала хозяйка, вывелъ меня изъ онаго

Забылъ я пряность въ шоколадѣ,
Увидѣвъ на стѣнѣ Корсакова портретъ!
Въ манжетахъ кружевныхъ, въ халатѣ,
Представленъ въ двадцать лѣтъ.

Послѣ привѣтствія, которое произносилось на разныхъ языкахъ въ одно время, не ожидая отвѣта, какъ обыкновенно водится, мы пошли въ садъ, доходили до большаго пруда, осматри-

вали бесѣдку назначенную при Екатеринѣ II, для библіотеки и статуи злорѣчиваго Фернейскаго писателя, и наконецъ...

Тамъ воинъ, и съ ружьемъ въ рукѣ,
Кричалъ мнѣ въ крайнюю досаду;
Что дверцы въ колонаду —
Съ наружи на замкѣ.
Чтожъ дѣлать? и .... тогда .... напомнилъ я бесѣдѣ
О вещи нужной, объ обѣдѣ.

Всѣ предложеніе мое приняли благосклонно: обѣдъ этотъ надобно описывать не мнѣ, а N. — или Гораціо. Онъ былъ составленъ изъ многихъ блюдъ по вкусу различныхъ поколѣній...

Италіянской, и Французской,
И Греческой, и Руской.
Тамъ супъ, пилаво тамъ и съ курицей пирогъ,
Съ угрями *матлотъ* и блюдо изъ миногъ.

А сласти южныя, и болѣ прихотливы:
Арбузы съ дынями, и виноградъ и сливы.

Вы скажете мнѣ, что я недаромъ обитаю на подошвѣ Парнасса, все говорю объ обѣдѣ, да о кушаньи, а о гуляньи ни слова: извольте, я повинуюсь. Мы съ быстротою легкихъ сернъ обѣжали въ мигъ цѣлый садъ, и присаживались на каждой скамейкѣ, а ихъ очень довольно, шутъ пили воду, медъ, забавлялись поговорками и побасенками городской суеты. Однако же тѣмъ неменѣе, все достойное видѣнія, — видѣли.

То видѣли, чего не свергнутъ *Елементы*,
Сетороввы стихи, собачкамъ монументы.
Еще увидѣли на славу громкихъ дней
Подъ сѣнью лавровыхъ новыхъ,
Румянцовыхъ, Орловыхъ —
Незыблемый Трофей.

Потомъ отворили намъ дворецъ; памятникъ, по истинѣ различнаго вкуса обитателей, и времяни, въ которое они жили. Апартаменты Императора Александра Павловича образецъ высокой отдѣлки, и вмѣстѣ простоты. Артисты и Периклы лучше этаго придумать бы не могли. Также собственно называемый Дворецъ или все то, что было построено при Елисаветѣ I, по величинѣ комнатъ, живописи плафоновъ, не смотря на излишество златовидныхъ украшеній Италіянскаго вкуса (за что Буало пѣняетъ и самому Тассу), свидѣтельствуетъ о искуствѣ, которое здѣсь повсюду дышетъ въ богатствѣ; горницы: портретная (гдѣ удивительный Китайскій фарфоръ) и янтарная достойны удивленія, есть еще тронная половина, соединяющая Азіатское ве-

ликолѣпіе со вкусомъ Афинскимъ, это чертогъ Екатерины II, занимаемый нынѣ Царствующею Императрицею. Вы сочтете безпримѣрною дерзостію и будете правы, естьли я покушусь описывать храмы, купальни, вазы, перломутровыя двери, полы, и прочія украшенія сего святилища искуствъ.

Я отсылаю васъ къ *развалинамъ* острова *Киприды*, а самъ гораздо лучше сдѣлалъ, что осмотря колонаду, поклонился мужамъ древности и Ломоносову, спустился по скату снова въ садъ, тамъ погулявъ до сумерекъ отправился вмѣстѣ со всѣми къ А. Н. Ф., гдѣ ожидалъ насъ прекрасный полдникъ и чай. Прощайте до завтра. Морфей стучитъ въ двери.

Въ Пятницу по утру мы отправились въ Павловское. Примѣрный

въ Россіи увеселительный домъ, и заслуживаетъ особеннаго описанія. Прежде всего мы осматривали Дворецъ. Всѣ были въ восхищеніи, а болѣе всѣхъ я, отъ Греческой залы. Потомъ пошли въ садъ; бывшая съ нами фрейлина Княжна Г. имѣла дозволеніе — взять линейку. Мои товарищи ею воспользовались. А я, который худо лажу и съ однимъ Парнасскимъ конемъ, не осмѣлился ввѣрить себя четыремъ придворнымъ Пегасамъ, хотя лѣтосчисленіе ихъ вкупѣ, точно простиралось до цѣлаго столѣтія.

Тутъ лишь усѣлись барыни:

— Одна къ другой плечемъ,
— Усастый кучеръ хлопъ бичемъ!
Манежные кони, не шагомъ,
— Какъ вихрь пустилися по садовымъ оврагамъ.

Какъ бы то не было, я остался при входѣ, на скамейкѣ, любуясь очаровательными видами отъ Дворца къ каскадѣ. Рощицы, холмики, восходы, спуски, благоуханіе цвѣтовъ, наклоненные деревья, коихъ верьхи кажется купаются въ водѣ, все мнѣ напоминало о волшебныхъ садахъ, описанныхъ Тассомъ. Тутъ я повстрѣчалъ почтенную вашу пріятельницу, супругу воспитателя нашихъ орловъ и ходатая у Двора о памяти Ломоносова и просилъ ее вамъ кланяться. Барыни между тѣмъ облетѣли весь Паркъ, завтракали въ одной изъ молочныхъ, были въ фермѣ, видѣли статую Аполлона, видѣли высокіе памятники горести и искусства Мартоса, потомъ въ розовомъ Павильонѣ, гдѣ стихотворствовали, нашли мои прежніе стихи:

Я снова въ Павловскомъ и не спускаю глазъ. —
Благодаря щастливой долѣ,
Видалъ его разъ двадцать, болѣ,
А всё мнѣ кажется — что вижу въ первый разъ.

Послѣ того я отправился въ Царское село на роскошный обѣдъ, потомъ вздумали гулять въ саду стре-гомомъ Китайцами ....

Но вдругъ и блескъ и трескъ на горизонтѣ,
И треволненіе на Царскосельскомъ понтѣ,

принудили насъ укрыться — гдѣ случилось. Въ походѣ и странствіи нельзя обойтись безъ бури. Спросите у Броневскаго. Потомъ опять сѣли за чай — наконецъ въ карету и возвратились очень пріятно въ Петербургъ, уже въ полночь.

Графъ Д. Хвостовъ.